

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра отечественной истории и историографии

**Рецепция и ассимиляция религиозного контента в
российских леворадикальных движениях конца XIX - начала
XX века**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 2 курса 263 группы

Направления подготовки 46.04.01 «История», магистерская программа
«Отечественная история XX-XXI вв. – социальные риски» Института истории
и международных отношений

Василевич Даниэль Владимировны

Научный руководитель

д. и. н., профессор

В.В.Хасин

дата, подпись

Заведующий кафедрой

д. и. н., профессор

В.Н. Данилов

дата, подпись

Саратов, 2016 год

Введение

Актуальность темы исследования. В российской исторической науке тема мистического сектантства как носителя религиозных архетипов фактически не была исследована.

Подход, примененный в данной работе, дает возможность комплексно проследить преемственность социальных и психологических черт мистической религиозности на пространстве новой и новейшей истории России и леворадикальных групп. В работе рассмотрены как общие, так и оригинальные нюансы на каждом следующем этапе существования контактов двух девиантных течений. Вместе с этим, предлагается межпредметное исследование взаимоотношений русских социалистов/марксистов с носителями религиозных архетипов на всей протяжённости истории данных взаимодействий.

Степень научной разработанности проблемы. Если обратиться к научной литературе по данной теме, то ее можно разделить на несколько групп.

К первой относятся общие работы, которые использовались как пример методологических подходов: это теоретические исследования по

сектоведению¹, по социологии религии² и праву³. Они помогли при формировании методологической базы данного исследования. Хочется отдельно отметить двух исследователей.

Вторая группа представляет собой изучение процессов второй половины XIX века: это исследования, посвященные судебным процессам над

¹Андреева Л. А. Российские религиозные практики в универсальном контексте: экстатические обряды и действия // *Общественные науки и современность*, 2005, № 3.; Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008.; Булгаков С.В. Справочник по ересям, сектам и расколам. М, 1994.; Глухов И.А. Сектоведение Сергиев Посад, 2005.; Мартинович В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения. –Минск, 2008.; Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2006.; Тонконогов А.В. Пенитенциарная сектология. Учебно-практическое пособие. Москва, 2004.

² Гараджа В. И. Социология религии.—М., 1995. Жеребятъев М., Феррони В. Феномен новых религиозных движений // *Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести* / Сост. А. М. Верховский. — М., 2003. С. 240–250.; Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // *Социологические исследования*. 1987. №3.

³ Суворов Н. Учебник церковного права. М., 1913.; И. И. Бражник. Право. Религия. Атеизм. Правовое содержание научного атеизма. Киев, 1983.; Дмитриев О. В., Фокин М. С. Сектанство: уголовно-правовые аспекты: Учебное пособие. Омск., 2002; Законодательство о религиозных культах. – М., 1969.

сектантами и революционерами⁴; работы о функционировании сект и работы о левых радикалах⁵.

⁴ Ванюшев В.М. Мултанское дело, Ижевск, 2000.; Лемке М.К., Политические процессы в России 1860-х гг., 2 изд., М.-П., 1923.; Рожникова Е.Л. Судебные речи знаменитых русских адвокатов. М.,1997.; Стецовский Ю.И. Становление адвокатуры в России. М.,2010.; Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006.; Хасин В.В. Способы формирования «ритуальных» мотиваций в российском судопроизводстве на рубеже XIX-XX веков: «Люцинское дело» // Грамота. Тамбов, № 5., Ч. 2., 2012.; Хасин В.В. «Саратовское дело» Г. Г. Замысловского через призму общественных отношений начала XX века. Право и нравы //Известия СГУ. №1, Т.12,2012.; Чудаков М. Ф. Петр Акимович Александров // Судебные речи. — Минск:, 2002

⁵ Маргаритов Сергей Дмитриевич. Руководство по истории и обличению русских рационалистических и мистических сект. Выпуск I.— 1-е издание.— Кишинев: Печ.в Тип.Э. Шлиомовича, 1894.; Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект. 4-е изд., испр. и доп. Симферополь, 1914.; Высоцкий Н.Г. Первый скопческий процесс. М., 1915; Его же. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей божиих». М., 1917.; Высоцкий, Н. Г. Материалы из истории духоборческой секты. Сергиев Посад, 1914.; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904.; Щапов. А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVI веке и первой половине XVII века: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.Щапов А.П. Земство и раскол. Бегуны. С-Пб, 1862.Никольский Н.М. История русской Церкви. 3-е изд. М., 1983.; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 2009; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2006.; Волков Н.Н. Секта скопцов. Л., 1930; Скопчество и стерилизация. М.-Л., 1937 Клибанов А.И. Реформационные движения в России. М., 1960; История религиозного сектантства в России. М., 1965; Религиозное сектантство и современность. М., 1969; Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977;Клибанов А. И. Пятьдесят лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма: Вып. 4. М., 1967.; Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.; Красиков П. А. Избранные атеистические произведения. М., 1970.; Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект / Под ред. П.Красикова. М., 1935..; Путинцев Ф. М. Политическая роль сектантства. М., 1929.;Тучков Е.А. Сектантство и его

Третья группа состоит из исследований, посвященных изучению вопроса о духовных поисках русской интеллигенции начала XX века. Это феномен новой религиозности творческой интеллигенции, которая создавала небольшие общества, в которых они разрабатывали свою идейную базу и ритуальную и движение христианского социализма как альтернатива официальным религиозным и властным институтам⁶.

Целью исследования выступает выявление специфики и результатов идеологической практики советского государства в отношении христианских религиозных объединений на этапе формального закрепления принципа свободы вероисповедания и в период активного вторжения в эту сферу общественного сознания посредством фактического подавления религии религиозности. А также выяснить, как советская идеология адаптировала под свои нужды религиозные стереотипы. Работа посвящена исследованию феномена взаимодействия идейного «взаимообмена» леворадикальных групп и представителей российского религиозного сектантства. При первом рассмотрении их взгляды представляются диаметрально противоположными.

идеология. М., 1955.; Луцевич Л.Ф. Первый славянский конгресс в исповеди Михаила Бакунина// Российский гуманитарный журнал. Т.2, №4, 2013.

⁶ Андреев И. М. Владимир Соловьев – мистик в свете православия (К 50-летию со дня смерти) // Вл. Соловьев: pro et contra. СПб., 2002. Антология. Том 2.; Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.; Смирнов И.П. Осмысление старообрядчества в русской философии «духовного ренессанса». В кн.: Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М. 1999.; Стоюнина, Л.А. «Так жили поэты...» // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989.; Любутин К. Н., Франц С. В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург, 2002.; Черняев А.В. Николай Бердяев. Реформатор без реформации // Вопросы философии. – М., 2011. - №11.; Чураков Д. О. Эстетика русского декаданса на рубеже XIX - XX вв. Ранний Мережковский и другие <http://www.portal-slovo.ru/>; Аккерман. Г. Загадка Анны Шмидт // Континент. - 2005. –№ 1.; Головушкин Д. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века, СПб., 2009.

Однако, исследование фольклорного нарратива, политического, социального дискурса того периода заставляет по-иному взглянуть на данную проблему. В работе прослеживается эволюция взаимоотношений сектантов и левых социалистов от зарождающегося народнического движения до контактов с большевиками. **Исследование пытается верифицировать гипотезу о том, что данный процесс стал предтечей формирования квазирелигиозности в Советском Союзе, особенности генезиса которой также отражены в работе.**

Поставленная цель конкретизирована следующими задачами:

- Рассмотреть взаимоотношения русского мистического сектантства и левых радикалов второй половины XIX век, выявить общность и различия взглядов.
- Проанализировать основные векторы религиозных идей начала XX века: духовные поиски творческой интеллигенции и формирование основных направлений у христианских социалистов.
- Верифицировать развитие взаимоотношений большевистских элит с непризнаваемыми государством религиозными движениями.
- Исследовать генезис «новой красной религии» в 20-е гг.
- Установить особенности формирования организационно-правовых основ взаимоотношений советского государства и религиозных объединений христианского толка в период отделения церкви от государства и школы от церкви;
- Изучить особенности секуляризации религиозного сознания;
- Выявить механизм, направленность и результаты политики государства по завоеванию и унификации идеологического пространства и аксиологической сферы общественного сознания;
- Провести исследование бытования религиозных сект, протестантских и старообрядческих общин;
- Проанализировать деятельность государства в отношении конфессий и внеконфессиональны

Научная новизна работы. Как правило, при изучении сектантства авторы обращают внимание на ритуальные практики данного направления, отношение Русской православной церкви к ним, миссионерская деятельность и сектантские нарративы во временном промежутке от церковного раскола XVII в до конца XIX. Реже становилось объектом рассмотрения советское время. Мистическое сектантство, хотя и нашло богатое отражение в публицистике, полемической и справочной литературе, предметом научного анализа, тем более в историческом контексте взаимодействия с другими противниками самодержавного строя, становилось лишь в единичных случаях. Также обстоят дела и с исследованием квазирелигиозности в Советском Союзе – как правило, ученые рассматривают только сам советский период, редко обращая внимание на оформление «религиозности» социалистического толка.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы и результаты исследования дополняют уже накопленные знания о формировании идеологической базы Советского Союза. Однако, в исследовании рассматривается советская идеология через призму религиозных факторов, которые повлияли на ее суть. Так же материалы исследования дополняют представления о духовной жизни советского общества, которое принято считать атеистическим.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (Глава 1. Этапы взаимодействия леворадикальных групп с сектантскими течениями; Глава 2. Религиозно-философские искания интеллигенции Российской империи в начале XX века; Глава 3. Формы и элементы сакрализации большевистской идеологии: архаика и новации) заключения, списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

- В основу идеологической платформы СССР легли архаичные религиозные стереотипы;

- В связи с кризисом РПЦ, источником «истинного» христианства и архаичный религиозных стереотипов явилось мистическое сектантство;
- Советское общество было не атеистическим, а секуляризированным;
- Советская идеология представляет собой политическую религию.

Основное содержание работы

В первой главе «Этапы взаимодействия леворадикальных групп с сектантскими течениями» мы рассмотрели сходства во взглядах сектантов и радикалов, которые лежали на поверхности и на которые особое внимание обращали и сами политические оппозиционеры. С одной стороны, народников интересовали только социально-политические элементы сектантского крестьянства, с другой стороны, существуют и другие сходства в мировоззрении данных девиантных структур.

В первую очередь, это общие эсхатологические настроения тех и других. Социальный аспект старообрядчества вполне в духе эпохи был облечен в религиозные формулы и эсхатологическую критику актуальной власти. Но он прекрасно прослеживается по составу этого движения, которое вобрало, втянуло в себя всех, кто сопротивлялся установлению жесткого социального и религиозного контроля над русским обществом.⁷

Народники в свою очередь тоже видели в политике царизма «происки Лукавого» и жаждали мести за злодеяния царской администрации. Их «царство Божье на земле» заключалось в воцарении социализма, который реализует коллективизм, всеобщую солидарность и справедливость. Для этого осталось только победить Антихриста, а с ним рухнет и современный им греховный Град Земной. Идеальные черты нового общества – это крестьянское общинное землевладение, крестьянское право на землю и мирское самоуправление. По Герцену, это как раз станет основой построения социалистического общества. В какой-то степени это являлось идеалом и для сектантов, чье социально-экономическое функционирование итак было близко к такой схеме. Все это упрощало общение двух оппозиционных начал – они говорили на одном, крайне традиционном языке.

⁷ Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С.438.

Революционеры-народники, социалисты любили рассуждать об «общинности», «коллективизме» старообрядцев и сектантов как о чертах, сближающих их с революционной идеологией. Однако необходимо видеть разницу между корпоративной солидарностью верующих, объединившихся добровольно, чувствующих совместную ответственность и поддержку, и подневольным коллективизмом. Несмотря на это, «коммуна» являлась совершенной формой общественного устройства как для левых радикалов, так и для сектантов, причем как в экономическом, так и в нравственном смысле. Все «расколосектанты» воспринимались народниками как сознательная, разумно-религиозная часть крестьянства, готовая к сотрудничеству, которая увлечет за собой инертное большинство русского народа.

Начало XX века также было ознаменовано духовными идейными исканиями во всех слоях российского общества. Во временном континууме контакты социалистов и религиозных сектантов приобретают новые формы, которые даже переходят в заимствование идей левыми радикалами на конечном этапе взаимодействия. Особое внимание уделено фигуре Владимира Бонч-Бруевича. «Коммуна» являлась совершенной формой общественного устройства, как для левых радикалов, так и для сектантов, причем как в экономическом, так и в нравственном смысле. Сектантское движение воспринимались социалистами как сознательная религиозная часть крестьянства, готовая к сотрудничеству, и которая своим примером может увлечь за собой инертные массы крестьянства. Во многом на них ставили большевики. Примером этого является деятельность В.Бонч-Бруевича, который вплотную занимался сектантским вопросом, вел переписку с представителями сектантства, сотрудничал с ними, а в конечном итоге даже создал первый совхоз на основе секты «Начало века», будучи при этом бывшим дворянином и личным секретарем Ленина. Именно его деятельность подчеркивает значимость контактов левых радикалов с религиозными девиантными группами.

Во второй главе «Религиозно-философские искания интеллигенции Российской империи в начале XX века» представлено другое направление данного исследования – это отражение архаичных религиозных стереотипов (на основе именно сектантского опыта) в других сферах. Например, мистические занятия интеллигенции: исторические связи с мистическими сектами, вероятные взаимовлияния между ними. Самостоятельную проблему представляет толстовское направление как социально-религиозного движения, которые напрямую было связано с деятельностью русских мистических сект и деятельностью большевиков на ранних этапах.

Общее веяние того времени – это религиозные поиски, идеи реформирования церкви, которые сочетались с распространением социалистических идей с реформацией общественной. Слияние двух «движений» привело к возникновению такого явления, «христианский социализм», искавший опоры опять же в «коммунистических сектах» и предполагавший перестроить церковные приходы по этому образцу⁸.

Особый характер приобрела интерпретация большевиками понятия «христианский социализм» из-за того, что социал-демократы видели конкурента в данном идеологическом движении. Основные идеи этой вариации социализма были понятны и доступны основной массе населения, обладавшей сильной набожностью. Это видно из текста «Манифеста ко всем людям, всех национальностей, вероисповеданий и классов»⁹, который нарекал вершиной социального развития создание общества по канонам коммунистического социализма. Манифест провозглашал всеобщее равенство, отсутствие частной собственности, общинное социальное устройство, недопустимость материализма, христианские моральные принципы в соответствии с заповедями, главенство духовной составляющей и

⁸ Социализм и христианство// ГАРФ., Ф. Р-9343, Оп.1. Д.100; Рапорт Х.А. Христианские и социалистические первоучителя// ГАРФ., Ф. Р-9343, Оп.1. Д.264.

⁹ ГАРФ. Ф. р-9343, Оп.1, Д.266.

превосходство ее над телесной, свободу вероисповедания, а своими учителями называл Иисуса, еврейских пророков, Будду, Сократа, Льва Толстого, Ганди и прочих¹⁰. Данный подход обхватывал большую аудиторию, нежели идеология социал-демократов, следственно, большевикам требовалось адаптироваться в сложившихся условиях и начать нападки на возможную альтернативу себе.

В третьей главе «Формы и элементы сакрализации большевистской идеологии: архаика и новации» рассмотрено, как большевики, опираясь на признание себя как властвующей партии, стали формировать свои культы и обряды, опираясь на давно знакомые крестьянам практики: это и праздники, и атрибутика, и красные уголки, и формирования пантеона «святых» и многое другое.

Представляясь истиной в последней инстанции, коммунизм как религия, притязающая на абсолютность, не знает нейтральных, индифферентных для себя областей. Он не ограничивается какими-то определенными областями... У него было свое представление о смысле жизни, свое понимание высших целей и ценностей. И эти представления он не просто «предлагает», но навязывает, не принимая диалога, а тем более критики. Как религиозные фундаменталисты коммунисты претендуют на влияние на все без исключения аспекты жизни человека и общества, на определение жизни с рождения до смерти... Непримируемость коммунизма ко всем религиям вытекает из стремления быть единственным универсальным мировоззрением, которое исповедуют не сомневаясь, в истинность которого верят».¹¹

Коммунизм в его упрощенном виде воспринимался как вознаграждение за лишения, как обещание счастья через мученичество, что характерно для религиозного уровня сознания¹².

¹⁰ См. там же.

¹¹ Коваль Т.Б. На развалинах Вавилона // Мир России. 1997. № 4, с.152.

¹² Носович В. И. Психология страдания в христианстве // Вопросы научного атеизма. Вып. II. М., 1971. С. 174, 175.

Постепенно оттачивался механизм доведения идеологии до самых простых и одновременно эмоционально насыщенных форм, понятных народу. Агитация за победу коммунистической идеологии над религиозными представлениями строилась на основе общих идей справедливости, в рамках ценностей тех социальных групп, с которыми велась работа. Пропагандисты и агитаторы вынуждены были осваивать мышление и язык тех, кого они просвещали¹³, связывать вопросы антирелигиозной пропаганды с экономически-хозяйственными мероприятиями (например, предлагая в качестве свидетельств приближения светлого будущего улучшение севооборота, проведение электричества в деревне)¹⁴.

¹³ Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А. и др. Указ соч. С. 59

¹⁴ Ярославский Е. М. Об антирелигиозной агитации и пропаганде среди работниц и крестьянок // Антирелигиозная работа среди женщин: Сборник / Сост. Л. Сталь. М.-Л., 1926. С. 52.

Заключение

Релевантность русского сектантского мировоззрения леворадикальным идеям прослеживается со второй половины XIX века. Русская социалистическая идея, базировавшаяся на всеобъемлющей роли крестьянской общины, во многом носила отличный от западного толкования традиционный и архаичный характер. Либеральные, прозападные реформы непонятные большинству аграрного населения увеличивали дистанцию между официальным пониманием развития социума и архаичным мировоззрением самого общества. Левые радикалы, выражавшие его интересы, формулировали весьма архаичную «революционную» повестку, в контексте крайне традиционалистской ментальности населения. Религиозная легитимация властных институтов, проводимая официальными церковными органами воспринималась не в контексте сакральных практик, а как коннотация властной парадигмы, далекой от полноценной рецепции большинством населения. Таким образом, одновременно с социальным недовольством происходила и перверсия духовных регуляторов, выражавшаяся в назревании религиозной реформации в среде русского «третьего сословия». Это брожение, вызывало резкую реакцию официальных духовных институтов, в той же степени, что и социальные движения у светской власти. Эти два направления, столь разные на первый взгляд, имели много общего, как в глазах власти, так и в среде революционеров и раскольников. Таким образом, критика господствующей государственной церкви, означала негативную оценку и самой власти, в частности, монарха, чье положение легитимировалось только религией за счет формулы «царь – помазанник божий». Не зря, отмечая рост сектантства в России, Ленин называл его «выступлением политического протеста под религиозной оболочкой».

Советский социализм выстраивает собственную телеологию, функционирующую схожим образом с традиционными архаичными религиозными стереотипами. В рамках этой концепции определяется конечная цель всего человечества, по отношению к которой выстраиваются

категории добра и зла. Социализм обещает всеобщее спасение и это очень похоже на идею религиозного спасения. «Советская религия» глобально истолковывает мировую историю, объясняя причину той или иной катастрофы с точки зрения отступления от истинной веры. Новая идеологическая платформа создает особые общности людей, очень близкие по духу к религиозным общностям, - говорит о необходимости самопожертвования, восхваляя его и вознаграждая за него ощущением причастности к великой цели.

Марксистская идея разрушения старого государства, все антиэтатические тенденции большевизма, ротирование существующего порядка государственного управления новым, в какой-то степени анархистским принципом народовластия удачно гармонировала с радикальной русской крестьянской утопией «мужицкого царства». «Эта тенденция массового сознания еще и выражала русский этнической архетип — тематизированность русской ментальности властью, государством, который большевики исключительно умело и эффективно, хотя, скорее, бессознательно и спонтанно, чем осознанно и целенаправленно, использовали сначала для разрушения «до основанья» старой власти, а «затем» для строительства новой — несравненно более сильной, чем разрушенная»¹⁵.

При всей внешней чуждости большевизма и большевиков России они оказались наиболее созвучны русской ментальности, что и послужило главной предпосылкой их политического успеха. Вообще политическая идеология способна вызвать массовую динамику лишь в случае, если она «цепляет» иррациональные слои психики и, прежде всего, этническое бессознательное народа, к которому обращен идеологический призыв¹⁶.

¹⁵ Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009.

¹⁶ Соловей В.Д. «Кровь» и «почва» русской истории. М.: Русский мир, 2008.

Как мы видим, один из центральных мифологических лейтмотивов большевизма, а именно «богоизбранность» пролетарских масс, удачно корреспондировала с религиозно-культурными мифологемами народного мессианизма, так как в основе своей они, так или иначе, опирались на единые моральные идеалы, имеющие архаичные религиозные истоки. Общая парадигма мифологем сделала возможность презентации леворадикальных постулатов построения нового мира на земле представителям непризнаваемых государственной властью религиозных групп.

В конце концов, социалистический мессианизм соединился с народным мессианизмом, а после «сцепки» поглотил инициативную составляющую сектантской деятельности, также признав их чуждыми новосозданному идеологическому базису. Коллизия интересов обеих сторон, в конечном счете, выкинула сектантов за рамки идеологотворчества для нового Царства Земного. Настало время для Советской Власти, когда ей придется создавать свою собственную квазирелигиозную идеологию на основе предыдущих опытов: от ессейских общин до деятельности русского мистического сектантства.